

Военно-Грузинская
дорога: постоянное
сообщение (структура
романа М. Ю.
Лермонтова «Герой
нашего времени»)

Дмитровская, Мария
Военно-Грузинская дорога: постоянное сообщение
(структура романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»)

Literatūra, vol. 62, núm. 2, 2020

Vilniaus Universitetas, Lituania

Disponible en: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174477010>

DOI: <https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.10>

Esta obra está bajo una Licencia Creative Commons Atribución 4.0 Internacional.

Военно-Грузинская дорога: постоянное сообщение (структура романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»)

Georgian Military Road: Constant Communication (the
Structure of "A Hero of Our Time" by M. Yu. Lermontov)

Gruzijos karo kelias: nuolatinis susisiekimasis (M. Lermontovo
romano „Mūsų laikų herojus“ struktūra)

Мария Дмитриовская dmitrovskayama@yandex.ru
Институт гуманитарных наук, Federación de Rusia

Literatūra, vol. 62, núm. 2, 2020

Vilniaus Universitetas, Lithuania

Recepción: 15 Febrero 2020

Aprobación: 15 Agosto 2020

DOI: [https://doi.org/10.15388/
Litera.2020.2.10](https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.10)

Redalyc: [https://www.redalyc.org/
articulo.oa?id=695174477010](https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174477010)

Резюме: В статье показано, что раздвоенность человеческого сознания связана взаимными проекциями с топографией Военно-Грузинской дороги и моделью мироздания, а также формирует систему персонажей-рассказчиков и структуру романа в целом, включая количество повестей и деление романа на две части. Реконструированы источники, которые использовал писатель при формировании нарративной структуры романа. Рассмотрен нумерологический код романа, проанализированы языковые основания понятийной системы. Рассмотрению подвергается встроенность в понятийную систему трехчленного имени Михаила Юрьевича Лермонтова. Пространственная ориентированность Военно-Грузинской дороги по вертикали и горизонтали позволяет вскрыть топографическую связь дороги с двоемирием Лермонтова, где сходятся воедино противоположные полюсы добра и зла, божественного и дьявольского.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», Военно-Грузинская дорога, понятийная система, проблема сознания, топография, нарративная структура, модель мироздания, нумерологический код, мультиязыковой код.

Abstract: The article demonstrates the fact that the duality of human consciousness is connected by mutual projections with the topography of the Georgian Military Road and the model of the universe and also forms the system of narrators / characters and the structure of the novel as a whole, including the number of stories and the partition of the novel into two parts. The sources used by the writer in the formation of the narrative structure of the novel are reconstructed. The numerological code of the novel is considered, the language bases of the conceptual system are analyzed. The embeddedness in the conceptual system of the trinomial name of Mikhail Yuryevich Lermontov is demonstrated. The vertical and horizontal spatial orientation of the Georgian Military Road allows discovering the topographic connection of the road with the dual reality of Lermontov, in which the opposite poles of good and evil, divine and evil turn into one.

Keywords: M. Yu. Lermontov, "A Hero of Our Time," Georgian Military Road, conceptual system, problem of consciousness, topography, narrative structure, model of the universe, numerological code, multilingual code.

Summary: Straipsnyje parodyta, kad žmogaus sąmonės dvilypumas abipusėmis projekcijomis susijęs su Gruzijos karo kelio topografija ir visatos modeliu, taip pat formuoja veikėjų-pasakotojų sistemą ir viso romano struktūrą, įskaitant apysakų skaičių ir romano padalijimą į dvi dalis. Rekonstruojami šaltiniai, kuriuos rašytojas naudojo formuodamas naratyvinę romano struktūrą. Apsvarstytas romano numerologinis kodas, išanalizuoti konceptualiosios sistemos kalbiniai pagrindai. Nagrinėjama Michailo

Jurjevičiaus Lermontovo trinario vardo įtrauktis į konceptualią sistemą. Vertikali ir horizontali Gruzijos karo kelio erdvės orientacija leidžia atskleisti topografinį kelio ryšį su Lermontovo dviem pasauliais, kur susilieja priešingi gėrio ir blogio, dieviškojo ir velniškojo pradų poliai.

*Николаю Михайловичу Кононову
Вот, Я посылаю Ангела Моего,
и он приготовит путь передо Мною.*

Fuente: Мал. 3:1

*Впрочем, я возвещу тебе, что начертано
в истинном писании; и нет никого,
кто поддерживал бы меня в том,
кроме Михаила, князя твоего.*

Fuente: Дан. 10: 21

Πρόλογος

Настоящая работа продолжает нашу статью (Дмитровская 2018), в которой была рассмотрена роль антропологической проблематики в романе М. Ю. Лермонтова *Герой нашего времени* (1838–1840). Исходный пункт – раздвоенность человеческого сознания. В повести «Княжна Мери» Печорин говорит доктору Вернеру: «Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его...» (Лермонтов 1957, 324) ¹. Было показано, что раздвоенность сознания получает в романе образную пространственную репрезентацию с особой значимостью границы, которая фиксирует разрыв между частями раздвоенного «я» и лежит в основе порождения двойников протагониста. Борьба двух инстанций человеческого «я» овнешняется и принимает характер выраженных конфликтов и борьбы с другими персонажами. Она сопрягается со скрытой историософской моделью, где главной является семантика военного противостояния, завоевания и уничтожения.

В настоящей статье будет показано, как раздвоенность сознания связана взаимными проекциями с топографией пространства – от Военно-Грузинской дороги до мироздания, а также с системой персонажей-рассказчиков и структурой романа в целом. Будут реконструированы источники, использованные писателем при формировании нарративной структуры романа, рассмотрен нумерологический код, проанализированы языковые основания понятийной системы Лермонтова, включая использование мультиязыкового анаграмматического кода. Будет выявлена значимая для нарратива романа проблема достоверного свидетеля. Анализу подвергнется встроенность в понятийную систему трехчленного имени М. Ю. Лермонтова. Вынесенный в заглавие статьи термин

«структура романа» имеет отношение к понятийно-языковой структуре, нарративной структуре и композиции романа, которые неразрывно связаны между собой.

Военно-Грузинская дорога в повести «Бэла»

Начальные повести романа – «Бэла» и «Максим Максимыч» – связаны между собой и предшествуют Журналу Печорина. Говоря о повести «Бэла», В. Виноградов отметил «новизну гибридного жанра – путевого очерка с вставной драматической новеллой» (Виноградов 1841, 573). Уточняя эту мысль, Б. Эйхенбаум в работе «Герой нашего времени» отмечает, что «описание Военно-Грузинской дороги в “Бэле” лишено самостоятельной, очерковой функции и воспринимается либо как общий фон, либо как элемент сюжета («торможение»), либо, наконец, как лирическое отступление, характеризующее душевное состояние автора “Бэлы”» (Эйхенбаум 1969, 291). Это не вызывает сомнения, однако функциональная значимость топоса Военно-Грузинской дороги лежит у Лермонтова в совершенно другой плоскости.

Повесть представляет собой сложный нарратив, где повествование Максима Максимыча о событиях пятилетней давности встроено в описание странствующим офицером их совместного передвижения по Военно-Грузинской дороге. На первый взгляд, название повести «Бэла» относится только к рассказу Максима Максимыча и не покрывает рамочного повествования; при этом название очевидным образом вступает в противоречие со словами самого странствующего офицера в середине повести, обращенными к нетерпеливому читателю: «Но, может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы? Во-первых, я пишу не повесть, а путевые записки...» (225). Однако рамочный и встроенный нарративы связаны не только композиционно, но и содержательно: рассказ о Печорине и Бэле топографически спроецирован на Военно-Грузинскую дорогу, которая, в свою очередь, порождает рассказ Максима Максимыча. Основу такого приема зеркального отражения составляет многозначность слов *сообщать* / *сообщить*: ‘соединять, совокуплять кого с кем или что с чем’ и ‘открывать, давать знать, объявлять кому о чем’, повторяющаяся у производных слов *сообщаться* / *сообщиться* и *сообщение* (САР 1822, 378–379). Военно-Грузинская дорога у Лермонтова обеспечивает **сообщение** в обоих смыслах. Связь в повести «Бэла» двух нарративов поддерживается также системой имен персонажей и заглавных номинаций в романе. В первом издании романа Предисловие отсутствовало: сразу за названием *Герой нашего времени* стояло «Часть I» и следовало название повести «Бэла», так что слова **герой** и **Бэла** были соположены – через разделение романа на части. Имя Печорина **Григорий** отсылает к паронимичному имени Георгий. Так, в романе *Княгиня Лиговская* (1836–1837) **Григория** Александровича Печорина родные на французский манер называют **Жорж** (фр.

Georges 'Георгий'). Имя **Георгий** в форме **Егор** – анаграмма входящего в название романа слова **герой**. Имя **Бэла** – из ит. *bella* 'красивая', 'красавица', далее от лат. *bellus*, -a, -um 'милый, прелестный', которое в форме ср.р. омонимично лат. *bellum* 'война', мн. ч. *bella* 'войска' (Дмитровская 2018, 276–277). Имя-отчество **Григория Александровича** Печорина генетически связано с прозаической драмой Лермонтова «Два брата» (1834–1836) и представляет собой объединение имен **Юрия** и **Александра** Радиных, находящихся в состоянии конфликта (**Юрий** – вариант имени **Георгий**. **Егор**).

Военно-Грузинская дорога пролегает через Главный Кавказский хребет и во времена Лермонтова связывала Екатериноград и Тифлис (Грузия). В зап.-евр. языках названия Грузии производны от имени св. Георгия (англ., ит. *Georgia*, фр. *Géorgie*, нем. *Georgien* и др.): на осмысление названия повлиял культ св. Георгия в Грузии. Начинается роман прямым указанием на Тифлис и Грузию как начальный пункт передвижения странствующего офицера по Военно-Грузинской дороге: «Я ехал на перекладных из **Тифлиса**. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками **о Грузии**» (с. 203). Грузия и дальше не исчезает из повествования. Имена **Бэлы** и **Григория** / **Георгия** / **Егора** / героя маркируют каждое одну из частей названия **Военно-Грузинской** дороги: Бэла имеет отношение к войне, Печорин – к Грузии; но, поскольку через образы Георгия Победоносца / Егория Храброго, а также через этимологию отчества (*Александр* – с др.-греч. 'защитник мужей') офицер Печорин оказывается связан с войной, то он и Бэла представляет войну, которую ведут между собой части раздвоенного «я». Дорога обеспечивает *сообщение* между ними.

В конце рассказа о Печорине и Бэле Максим Максимыч замечает:

...только никогда с этих пор мы не говорили о Бэле, я видел, что это ему будет неприятно, так зачем же? Месяца три спустя его назначили в е...й полк, и он уехал в Грузию. Мы с тех пор не встречались; да помнится, кто-то недавно мне говорил, что он возвратился в Россию, но в приказах по корпусу не было (237–238).

Здесь Максим Максимыч последовательно упоминает Бэлу и – в связи с Печориным – Грузию, что, собственно, и порождает Военно-Грузинскую дорогу, по которой из мест войны (resp. Бэлы) Печорин пять лет назад переместился в Грузию, а потом по этой же дороге возвратился обратно, чтобы продолжить свой путь в Россию. Это обратное движение представлено как не полностью достоверное, поскольку устное *сообщение* кем-то о возвращении Печорина в Россию противоречит отсутствию письменного *сообщения* об этом в приказах по корпусу. Этот же путь по Военно-Грузинской дороге туда и обратно проделывают Максим Максимыч и странствующий офицер. Показан лишь их обратный путь, что это служит своеобразным средством «легитимизации» не полностью достоверного возвращения Печорина из Грузии.

Творение Военно-Грузинской дороги во всей своей реальности неотделимо от рассказа Максима Максимыча о Печорине и Бэле.

Военно-Грузинская дорога в повести «Максим Максимыч»

Во второй повести романа, написанной от лица странствующего офицера, во Владикавказе постепенно собираются трое – сам странствующий офицер, Максим Максимыч и Печорин, – последний для того, чтобы сразу отправиться в путь, обратный тому, который проделали первые двое. Здесь, как и в повести «Бэла», происходит творение Военно-Грузинской дороги каждым из героев – уже как будущего пути Печорина. Узнав, что в ожидании *оказии* придется провести во Владикавказе **три** дня, странствующий офицер говорит о своем намерении записать рассказ Максима Максимыча про **Бэлу**. Сразу после этого он возвращается к теме *оказии*: «А вы, может быть, не знаете, что такое “оказия”? Это – прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которым ходят обозы через Кабарду из Владикавказа в Екатериноград» (с. 239). Таким образом, озвученное намерение писать про **Бэлу** (*bellum* ‘война’) оказывается в окружении сначала упоминания *оказии*, а потом разъяснения этого слова, которое означает боевое прикрытие, то есть связано с войной; в сумме про **войну-Бэл**. говорится три раза. Перемещение *оказии* между Екатериноградом (началом Военно-Грузинской дороги) и Владикавказом и обратно позволяет свести пространственно неопределенное значение слова война к ограниченной территории, соответствующей первому члену в названии Военно-Грузинской дороги. Слово *оказия* восходит к лат. *occasio* ‘случай’, ‘воен. набег, быстрый маневр’, далее от *occido* ‘падать’ из *ob* ‘к’ + *cado* ‘падать’, ‘умирать’, ‘случаться, происходить’. Соседство в тексте **Бэлы** и *оказии* скрывает в себе *casus belli* (казус белли) ‘повод для объявления войны’: слово *casus* ‘падение, движение вниз’, ‘событие, случай’ (от *cado*) родственно слову *оказия* (*occasio*). Конечная точка Военно-Грузинской дороги тоже порождается решением странствующего офицера писать о Бэле: повесть «Бэла», как мы помним, начинается с указания **Тифлиса** как начальной точки движения и упоминания **путевых записок о Грузии**. Таким образом пролагается путь Печорину: Военно-Грузинская дорога закручивается у Лермонтова в повторяющиеся круги.

Через день в гостиницу приезжает Максим Максимыч, а вечером во двор въезжают несколько повозок и пустая коляска, сопровождаемая лакеем. Когда становится ясно, что пришла *оказия*, то, Максим Максимыч, еще не зная, что приехал Печорин, говорит: «Экая чудная коляска! ... верно, какой-нибудь чиновник едет на следствие в **Тифлис**» (240). *Оказия* (война) прямо соседствует с упоминанием Грузии. Появившийся на следующий день Печорин не хочет отложить отъезд. На вопрос Максима Максимыча он отвечает: «Еду в Персию — и дальше...» (245). Он, таким образом, сам

прокладывает свой маршрут по Военно-Грузинской дороге и за ее пределы. На уговоры остаться Печорин отвечает отказом. Но присмотримся к тому, что# говорит Максим Максимыч. Сначала он вспоминает Бэлу, хотя знает о том, что Печорину это должно быть неприятно: «А помните наше житье-бытье в крепости?.. <...> А Бэла?..» (с. 245). Далее он дважды называет Грузию: «...кахетинское здесь прекрасное... разумеется, не то, что в Грузии...» (с. 245); «У меня остались ваши бумаги ... я их таскаю с собой... думал найти вас в Грузии...» (с. 246). Максим Максимыч, пытаясь задержать Печорина, на самом деле торит ему Военно-Грузинскую дорогу. Печорин и сам спешит в Грузию (Georgia) навстречу самому себе и дальше, – если удастся, за пределы себя.

Военно-Грузинская дорога и нумерологический код

Доминирование Военно-Грузинской дороги в двух первых повестях романа отражает раздвоенность человеческого сознания. Это закладывает основу нумерологического кода – постоянные переходы между единичностью, двоичностью и троичностью. Визуализацию этого дает Военно-Грузинская дорога, которая ограничена двумя точками – войной и Грузией. Они же маркируют две инстанции сознания, а дорога одновременно и показывает «дистанцию огромного размера» между ними, и служит средством связи. Дорога (сообщение) и есть третий член в представлении структуры сознания. Само название Военно-Грузинская дорога содержит развертывание нумерологического кода. Единая номинация состоит из двух слов, первое из которых сложное и состоит из двух частей, что дает трехсоставную номинацию.

Трехчленный нумерологический код распространяется в романе на многочисленные понятийные области, чем обеспечивается сведение их в единство, говорящее о единстве создаваемого в романе мира, части которого изоморфны друг другу. Взаимные проекции связывают не только антропологию и топографию, но систему трех рассказчиков в романе. Как будет показано дальше, нумерологический код имеет расширения.

Основания нарративной структуры повестей «Бэла», «Максим Максимыч» и романа в целом

То, что повествование в романе Лермонтова имеет сложную структуру и ведется с различных точек зрения, отмечалось неоднократно. Смысл приема видят в том, чтобы представить Печорина глазами разных людей (включая его самого), дав тем самым максимально полную картину его личности (Белинский 1954, 199–200, 225; Эйхенбаум 1969, 263–264, 290; Удодов 1989, 114–115; Дрозда 2014; Москвин 2014, 381). Однако этот подход не дает ответа на главный вопрос: почему роман написан именно так, а не иначе.

Чтобы запустить сложный механизм наррации, Лермонтов опирается на несколько источников, которые одновременно способствует приращению понятийных структур. Первым должно быть названо Евангелие от Иоанна, особенно его 1-я глава.

В первой (журнальной) публикации повести есть деталь, позже убранная Лермонтовым, которая указывает на то, что само имя Печорина не является настоящим, а дается Максимом Максимычем:

«А какъ его звали?» – спросилъ я Максима Максимыча. – Его звали... Да на что Вамъ его имя? Назовемъ его хоть Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ (выделено автором. – М.Д.)
(Лермонтов 1839, 174).

В романе слова Максима Максимыча урезаны: «– Его звали... Григорьемъ Александровичемъ *Печоринымъ*» (выделено в тексте. – М.Д.) (207). Впрочем, многоточие указывает на то, что Максим Максимыч, давая имя герою, может колебаться в выборе.

Максим Максимыч отнюдь не «наивный» рассказчик. Он неразрывно связан со странствующим офицером, который в повести «Бэла» сначала пишет поверх его рассказа. Они двое создают в рассказе Военно-Грузинскую дорогу, неотделимую от Бэлы и Печорина. Через **сообщение**, обеспечивающее связь, сквозь семантику противостояния и войны мерцает **миръ**, а через него **міръ**. Двое рассказчиков становятся творцами міра и твари, уподобляясь Богу Слову: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него на#чало быть... В Нем была жизнь...» (Ин. 1: 1–4)².

В повести «Бэла» в роли Слова (др.-греч. λόγος) выступают двуединые повествователи. Одновременно задается христологическая тема воплощения Бога Слова: «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; И мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин.1: 14). Роли Максима Максимыча и странствующего офицера множатся. С одной стороны, они сами являются (раздвоенным) Богом Словом, с другой – подобны евангелисту Иоанну: «Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него» (Ин. 1: 6–7). Но удваиваются и Иоанны: далее евангелист Иоанн подробно говорит об Иоанне Крестителе и дает ему слово (Слово): «Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня» (Ин. 1: 15; также Ин. 1: 27, 30). Структура повести «Бэла» с вложенным повествованием соответствует структуре 1-й главы Евангелия от Иоанна с двумя повествователями, а одноименность Иоаннов сближает странствующего офицера и Максима Максимыча. Как и в Евангелии, оба они свидетельствуют. Вместе с тем, слова Иоанна Крестителя «Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня» передают роль Бога Слова Печорину, Журнал которого, хотя и помещен в романе после

повестей «Бэла» и «Максим Максимыч», по времени предшествует им.

Отеческое отношение Максима Максимыча к Печорину встраивается в соотношение Бога Отца и Бога Сына (Бога Слова) и работает на формирование представления о троичности божества, Троице. В Евангелии от Иоанна, как и в синоптических евангелиях, тема Духа Святого задается в сцене крещения Иисуса Христа: «И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. <...> И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий» (Ин. 1: 32, 34). Троичности божества соответствует количество повествователей в романе. Распределение ролей между ними имеет «мерцающий» характер, через который проблескивает их тождество, что соответствует догмату о Троице.

В своем Журнале уже сам Печорин является раздвоенным Словом, Логосом, представленным в виде одного повествователя с раздвоенным сознанием. Здесь Лермонтов сопоставляет соименные фигуры Григория Печорина и Григория I Великого, Папы Римского (ок. 540–604). Григорий I Великий почитается в западном христианстве и в православии. Принятое в православии имя Григорий Двоеслов (лат. Gregorius Dialogus, др.-греч. Γρηγόριος ὁ Διάλογος) возникло в результате неправильного перевода лат. Dialogus – имени, которое было дано св. Григорию по названию его труда «Dialogorum libri quattuor de vita et miraculis patrum italicorum et de aeternitate animorum» (593–594), букв. «Собеседования [диалоги] о жизни и чудесах италийских Отцов и о бессмертии душ». Ошибка при переводе вызвана смешением *dia-* и лат. *duo* 'два', др.-греч. *διά* 'через' и *δύο* 'два'. Более точные номинации Григорий Беседник / Собеседник используются редко. «Собеседования...» были переведены еще учениками св. Мефодия (Задворный 2002). Согласно преданию, когда Григорий Двоеслов писал свои труды, «Дух Святой, в виде голубя, парил над ним ...» (Димитрий Ростовский 2006, 282). Это объединяет писательство Григория Печорина с крещением Христа Иоанном Крестителем. Но Духом Святым в виде голубя должны быть отмечены и другие рассказчики в романе – они тоже мастера слова. Лермонтов мог читать «Собеседования...» на латыни или в переводе на один из западноевропейских языков.

Статус Григория I Великого как Папы Римского обращает отношения Печорина и Максима Максимыча как сына и отца: Печорин становится Папой (папой). Их имена-отчества, внешне разные, указывают на семейное родство, где Максим Максимыч (при отсутствии у него фамилии) возвращает себе родительские права. Одновременно в каждом имени-отчестве обнаруживается тождество двух частей номинации, что позволяет говорить о тождестве в обоих персонажах отца и сына. У Максима Максимыча это очевидно – он Максим, сын Максима. Имя Максим происходит от лат. *maximus* 'величайший' – *superl.* от *magnus* 'великий'. В случае с Печориным это

нуждается в доказательстве. В повести «Княжна Мэри» Печорин проецирует на других и одновременно на себя фигуры Александра Великого и Джорджа Байрона. Имя Байрона – **Джордж**, то есть **Георгий** – пароним имени Печорина **Григорий**. Байрон назван не случайно – он мастер слова, как и Григорий Великий. Это позволяет восстановить скрытое «имя» Печорина – Magnus (Великий). А упоминание в связке с Байроном завоевателя Александра Великого, имя которого совпадает с именем отца Печорина, дает нам скрытое «отчество». Итак, Печорин – Великий, рожденный Великим, а Максим Максимыч – Величайший, рожденный Величайшим. «Величайший» – старше и выше «Великого», их разница укладывается в статус отца и сына. Но и здесь кроются возможности обращения отношений. Иоанн Креститель говорит о Христе: «Ему должно расти, а мне умяться» (Ин. 3: 30). Проекция этих слов на двух героев придают им статус «мерцающих» двойников.

Введение к 1-й книге «Собеседований...» позволяет уточнить соотношение св. Григория Двоеслова и рассказчиков в романе Лермонтова. Григорий Двоеслов говорит о том, как была создана книга. Когда он находился в печали по оставленной монашеской жизни, пришел к нему «возлюбленный сын ... диакон Петр» (Григорий Двоеслов 1858, 7), по просьбе которого наставник решает поведать ему о богоугодной жизни святых мужей Италии: «...я изложу это в виде разговора, по вопросам и ответам – с обозначением наших имен» (там же, 10). Григорий Двоеслов отмечает, что не хватило бы времени, чтобы рассказать о том, что он слышал от других и чему сам был свидетелем, поэтому оговаривает, что будет опираться только на «беседы с людьми благочестивыми, последуя в этом священному и высокому примеру ... Марка и Луки, которые написали свои евангелия не на основании того, что они видели, но что слышали» (там же, 11). Григорий Двоеслов говорит, что для достоверности при каждом описании события он будет указывать источник и перелагать услышанное своими словами, поскольку у него слог, «как у писателя», а от прямой передачи «вышла бы неровность от внесения простого, безыскусственного рассказа некоторых лиц» (там же, 12).

Обработанный Григорием Двоесловом пересказ услышанного от очевидцев – тот же прием, которым, по всей видимости, воспользовался в повести «Бэла» странствующий офицер при передаче рассказа Максима Максимыча. Обозначенная, хотя и невоплощенная св. Григорием Двоесловом возможность рассказывать о том, чему он сам был свидетелем, реализуется в романе Лермонтова не только в повествовании странствующего офицера в повестях «Бэла» и «Максим Максимыч», но и в написанном Печориным Журнале, где Печорин видит и анализирует движения своей души. Странствующего офицера и Печорина сближает то, что оба они связаны с Максимом Максимычем, оба люди пишущие, причем Печорин как повествователь сменяет странствующего офицера в структуре романа, хотя хронологически

Печорин пишет первым. В конце «Тамани» Печорин говорит о себе как «странствующем офицере» (260), – что ж, с одним странствующим офицером мы уже знакомы. Все трое носят **маски** (анаграмма имени **Максим**), и это не сразу обнаруживают их «мерцающее» тождество и единство.

В системе романа лица Святой Троицы соположены с двумя Иоаннами (Богословом и Крестителем) и Григорием Двоесловом; их соединяет не только 1-я глава Евангелия от Иоанна, но также характеризующее определение Иоанна **Богослова**, паронимичное номинации **Бог Слово**, и **богословская** деятельность Григория Двоеслова. Кроме того, взаимно связанными оказываются иоанновско-григорьевский комплекс и Военно-Грузинская дорога – не только тем, что имеют отношение к **сообщению**, но и самими именами собственными. **Иван** – анаграмма слова **война**. Две крайние точки связаны с войной (Грузия через св. Георгия Победоносца), между нами лежит **миръ / міръ**. Военно-Грузинская дорога одновременно описывает структуру мира, структуру сознания и процесс творчества (**сообщения**). Раздвоение единого порождает войну и миръ, которые находятся в состоянии неустойчивого равновесия. Начало Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово» трансформируется у Лермонтова в «В начале был(о) Двоеслов(о)», отсылающее и к деятелю христианской церкви, и к расколотости сознания. Логос трансформируется в диалог(ос), в (со)общение. Крайние точки Военно-Грузинской дороги раздваиваются: война представлена двумя Иоаннами (Иванами – войнами, на карте этому соответствуют две точки – Екатериноград и Владикавказ, между которыми перемещается оказия), а Грузия – Григорием Двоесловом: всего их четверо, а пятый элемент – сама дорога. Здесь семантика четырех и пяти проецируется на тексты Нового Завета, в первую очередь – на Четвероевангелие. Реконструируемая пятеричная структура переходящего в войну мира / міра дает пять Иванов (=войн) и соответствует пяти произведениям Иоанна Богослова, входящим в Новый Завет: Евангелию, трем Соборным посланиям и Откровению. При пятеричной структуре линия разрыва будет неустойчива: поэтому каждый противостоящий член будет включать то два, то три элемента.

Пространство мира / міра

В иоанновских текстах противопоставлены и отделены друг от друга два мира – горный и дольний. Иисус говорит фарисеям: «... вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Ин. 8: 23), а потом повторяет это Пилату: «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, ... но ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18: 36). В Первом послании Иоанн формулирует мысль Иисуса так: «...міръ весь во злѣ лежитъ» (1Ин. 5: 19). Как представляется, именно эта фраза дает Лермонтову возможность не

только уничтожить жесткое членение пространства по вертикали на горный и дольный мир и обеспечить постоянные переходы между ними, но и *распространить* это на членение пространства по горизонтали, охватив таким образом весь мир в его целокупности, придав ему постоянную динамику и постоянную смену оценочных знаков. При этом границы между мирами и между войной и миром будут присутствовать, но постоянно сдвигаться. В основе подобных преобразований лежит омонимия (паронимия) слов *миръ* и *миръ*, а также мена ударения в форме «во злѣ» → «вѣзлѣ». **Сообщение** между двумя мирами включает **оборотное** движение: один миръ **обращается (превращается)** в другой с дальнейшими оборотами по кругу; аналогичен и механизм смены оценки у войны и мира. Структура мира и структура сознания одинакова – зыбкая и двоящаяся в силу постоянно совершающихся переходов от мира к войне и обратно: мир (единство) является результатом победы в войне (противостоянии разъятых частей), но снова оборачивается новой войной. Это круговое смещение соответствует обратно-поступательному движению персонажей по Военно-Грузинской дороге. Представление о двух мирах как **нижнем** и **вышнем** тоже соответствует топосу Военно-Грузинской дороги, включающему как гористые, так и ровные участки.

Отмеченное постоянное двоение смыслов также вбирает в себя не просто переходы между божественным и демоническим, но их мерцающее сопричастие в мире. У этого есть языковые основания: фр. *monde* 'мир' – анаграмма слова *демон*, а англ. *globe* 'земной шар, земля, мир' – анаграмма слова *голубь*, где голубь – символ Духа Святого. Демоническое и божественное свободно перемещается в пространстве, охватывая как верхний, так и нижний (в том числе подземный) топосы. Одновременно это объясняет постоянное сопричастие смерти-в-жизни у Лермонтова.

В романе троица рассказчиков – неустойчивый слепок Троицы. Но и каждый из персонажей и рассказчиков раздваивается и рас-траивается. Лермонтов поворачивает движение по Военно-Грузинской дороге и само время **о-брат-но** и пользуется композицией **на-оборот**, что отражает характер отношений между персонажами: они подобны **братьям – оборотням** друг друга.

Нужно поделиться: роман в двух частях

Структура романа Лермонтова отражает неустойчивое равновесие элементов нумерологического кода. Роман состоит из пяти повестей, что соотносится с пятичленной моделью Военно-Грузинской дороги. Он разделен на две части, в первую из которых входят три повести: «Бэла», «Максим Максимыч» и первая повесть из Журнала Печорина – «Тамань» с Предисловием. Журнал Печорина тоже разделен на две части: вторая часть романа представляет собой «Окончание Журнала Печорина» и состоит из двух повестей – «Княжна Мери» и «Фаталист». Структурное деление романа на

две части расходится с его содержательным делением, где Журнал Печорина представляет собой единство. Существующие объяснения этого феномена связаны с поисками тематических оснований. Так, Б. Т. Удодов говорит о расширенных пределах «объективно-экспозиционной части» и об «исповедальной» части романа (Удодов 1989, 140). Исследователь отмечает: «В I части ... Печорин предстает в кругу “естественных” и “простых” людей, а во II части ... находится в близкой ему по его социальному положению “цивилизованной”, современной дворянской привилегированной среде» (там же). М. Дрозда суть приема усматривает в усилении напряжения «между двумя планами текста – документальным и романским». И далее: «Таким образом произошло разъединение определенного документального жанра (дневника) и присоединение отключенной части к документальным жанрам другого типа (к путешествию и к филантропическому очерку)» (Дрозда 2014, 330). Ф. П. Федоров об особенностях состава первой части романа говорит следующее: «Композиционная изощренность первой части – свидетельство изощренности человеческих отношений» (Федоров 2015, 70). Но даже в совокупности эти трактовки не выглядят убедительными.

Нам смысл такого композиционного членения видится в его изоморфности основным понятийным константам романа, влекущей за собой вибрации между целым, частями и количеством частей целого. Начальных повестей с топомосом Военно-Грузинской дороги – две, а в Журнале Печорина повестей три. Разграничительная линия между частями романа у Лермонтова устанавливает соотношение между повестями 3:2, в то время как содержательно повести разделяются с соотношением 2:3. Поместив в первую часть три повести и разделив тем самым Журнал Печорина, Лермонтов соединил в первой части всех трех рассказчиков и продемонстрировал их способность к **сообщению**. Во второй части романа повестей две, но повествователь Печорин – один. Количественное соотношение повествователей в частях романа 3:1, где троичность сводится к единству.

Одно заветное

Деление романа на две части, где линия разрыва проходит по началу Журнала Печорина, корреспондирует с делением Библии на Ветхий и Новый Завет, данных в обратной последовательности. Слово **Евангелие** – от др.-греч. εὐαγγέλιον ‘благая весть’ из εὖ- ‘хороший’ + ἄγγελος ‘вестник, посланник’, ‘ангел’. Что касается Ветхого Завета (Vetus Testamentum), то отсутствие в нем Евангелий влечет, на первый взгляд, и отсутствие **вестника** / **посланника**. Однако необходимые смыслы поставляет Книга пророка Малахии, последняя из 12 книг малых пророков. Имя **Малахия** (ивр. , *Малахи* #) означает ‘посланник мой’ и нередко трактуется как имя нарицательное; на др.-греч. переводится как ἄγγελος. Таким

образом, сумма смыслов из Ветхого и Нового Завета, необходимых для построения нарратива в двух первых повестях романа и в Журнале Печорина, одинакова, что влечет за собой известную тождественность этих двух частей романа – как в структурном, так и в содержательном плане. Схождение в единую понятийную структуру обеспечивается анаграмматичностью др.-греч. ἄγγελος и λόγος. Это понятийное ядро обладает способностью к бифуркации: ἄγγελος, он же λόγος, как вестник или ангел, несет весть, λόγος, который равен ἄγγελος. Каждый из раздвоенных членов может делиться дальше, обеспечивая в сумме как четное, так и нечетное количество элементов. Эта модель разделения универсальна и приложима к членению мира, человеческого сознания и порождаемого текста.

Отмеченная здесь обращаемость Ветхого и Нового Завета обеспечивает схождение их в единство в каждой из частей романа и в каждой повести, входящей в роман.

«Ибо они ради имени его пошли» (1Ин. 1: 7)

Понятийная ядерная структура романа «Герой нашего времени» представляет собой не что иное, как отражение и воплощение трехчленного имени Михаила Юрьевича Лермонтова. Коротко отметим некоторые ходы. Имя Малахи# / Малахия ‘посланник мой’, ‘ангел’ – анаграмма имени Лермонтова Михаил. Ангел Михаил – это удвоенный Михаил / Малахия ‘ангел’ – с возможностью дальнейшего удвоения каждого из членов. Он архангел – главный, старший (др.-греч. ἀρχι-) над ангелами, которые тоже являются Михаилами. Анаграмматическое тождество др.-греч. ἄγγελος и λόγος делает Михаила логосом. Имя Лермонтова Михаил встроено в нумерологическую систему, демонстрируя двоение, троение (аналог Троицы) и дальнейшее увеличение мощности множества. С одной стороны, Лермонтов ставит себя в центр творимого им мира, каждая часть которого есть он сам. Статус архангела Михаила как Архистратига (‘старшего воина’) отражает его роль как борца против дьявола и беззакония. Важность темы войны и мира у Лермонтова корреспондирует с этой семантикой. С другой стороны, Михаил Юрьевич Лермонтов как сын Юрия / Георгия через Георгия-Победоносца максимально сближен с отцом – оба они являются военными и драконоборцами. Фамилию Лермонтов в форме Лермонт можно представить как сумму фр. *l'air* ‘воздух’, ‘вид’ + *mont* ‘гора’ с суммарными смыслами ‘вид горы’ и ‘воздух горы’, откуда возможен переход к миру горному и Святому Духу. В романе «Герой нашего времени» роли автора и героя переворачиваются. Автор Михаил Юрьевич становится сыном героя Григория Печорина с разорванным сознанием, а сам ангел становится падшим. Вид гор включает не только вершины, но и долины и провалы. Лермонтов со своим героем-двойником повсюду – фр. *par monts et par vaux*, букв. ‘по горам, по долам’. Они на па#ру облачают, ругают себя (друг друга) на чем свет стоит – англ. *to curse up hill and down dale*,

букв. 'обличать по горам, по долам', где обличение (*curse*) почти неотличимо от пути (*course*). Слова **обличение** и **обличать / обличить** открывают здесь свою изначальную связь со словом **обличие**, ср. др.-русск. *обличени*# 'вид, образ', 'упрек, обвинение'; *обличати* 'делать известным', 'обвинять'; *обличити* 'дать форму, вид, образ', 'обвинить, уличить' (Срезневский 2003, 521–523). В романе приобретают **обличие** не только Печорин, но и другие рассказчики – тоже двойники самого Лермонтова, а через них всех – и другие персонажи. Лермонтов не присутствует в романе, но одновременно только он и обладает реальным существованием. Он нигде и везде. В романе Лермонтов – призрак, который един в трех лицах своих обладающих для читателя реальностью героев-рассказчиков, которые не более чем призраки для самого Лермонтова.

Επίλογος

Военно-Грузинская дорога входит в понятийно-языковой узел романа «Герой нашего времени», активно взаимодействуя с героями и сюжетами повестей, а также выполняя метаописательную функцию по отношению к нарративной структуре романа. Военно-Грузинская дорога представляет собой топографическую модель философской системы Лермонтова – от антропологии до модели мироздания, в которую встроен сам писатель. Налиествуя явно в повестях «Бэла» и «Максим Максимыч», Военно-Грузинская дорога в скрытом виде присутствует не только в рассказе Максима Максимыча о Печорине и Бэле, но и в Журнале Печорина. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Литература

- Белинский, В. Г. 1954. «Герой нашего времени»: Сочинение М. Лермонтова. *Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений в 13 т.* Москва: Издательство АН СССР. Т. 4, 193–270.
- Виноградов, В. 1941. Стиль прозы Лермонтова. *Литературное наследство: М. Ю. Лермонтов*. Кн. I. Т. 43/44. Москва: Изд-во АН СССР, 517–628.
- Григорий Двоеслов 1858. *Святаго отца нашего, Григорія Двоеслова, епископа Римскаго, Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безъсмертіи души*. Казань: Въ типографіи губернскаго правленія.
- Димитрий Ростовский 2006. *Житія святыхъ на русскомъ языке, изложенныя по руководству Четыхъ- Миней св. Димитрія Ростовскаго в 12 кн.* Киев: Изд. Свято-Успенской Киево-Печерской лавры. Кн. 7.
- Дмитровская, М. А. 2018. *Казус Бэлы: историософия антропологии в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»*. *Критика и семиотика* 1, 271–299. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2018-2-271-299>

- Дрозда, М. 2014. Повествовательная структура «Героя нашего времени». *М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Антология*. Т. 2. Санкт-Петербург: РХГА, 320–346.
- Задворный, В. 2002. Григорий Великий. *Католическая энциклопедия в 5 т.* Москва: Издательство Францисканцев. Т. 1, 1439–1443. Режим доступа: http://www.toletanus.ru/?id=bibliotheca.read.2.Grigorij_Velikij [см. 25.12.2019].
- Лермонтов, М. Ю. 1839. Бэла. Из записок офицера о Кавказе. *Отечественные записки*. Т. II, № 3. Отд. III, 167–212.
- Лермонтов, М. Ю. 1957. *Сочинения в 6 т.* Москва, Ленинград: Издательство АН СССР. Т. 6.
- САР 1822. *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, в 6-ти ч.* Санкт-Петербург. Ч. 6.
- Срезневский, И. И. 2003. *Материалы для словаря древнерусского языка в 3 т.* Москва: Знак. Т. 2.
- Удодов, Б. Т. 1989. *Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Книга для учителя*. Москва: Просвещение.
- Федоров, Ф. П. 2015. «Повести Белкина» как структура. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки* 1, 62–72.
- Эйхенбаум, Б. 1969. «Герой нашего времени». *Эйхенбаум, Б. О прозе: Сборник статей*. Ленинград: Художественная литература. Ленинградское отделение, 231–305.

сноска

- 1 «Далее роман Лермонтова цитируется по данному изданию с указанием номера страницы. Выделение в цитатах из всех источников, если не указано иначе, наше.
- 2 «Цитаты из Библии даются в основном по Синодальному переводу.